

кой на голове, какие обычно можно видеть у восточных женщин. Во время припевов она танцевала.

Также было исполнено несколько современных песен на жестовом языке и довольно забавная пантомима: проголодавшийся мужчина (Сергей Родин) прятал яблоко от вошедшей дамы (Светлана Вакуленко), которая жестами объясняла, что видела это яблоко и тоже хочет его попробовать. В руках героев появлялась газета. Одна статья в ней привлекла внимание молодого человека. И наконец-то у дамы в руках оказался желанный плод.

Участникам клуба благотворительный концерт пришелся по душе. Артистов благодарили, приглашали приезжать еще. Е. А. Сильянова напомнила им о пьесе Уильяма Гибсона «Сотворившая чудо» (о знаменитой слепоглухой американке Элен Келлер), сказав, что было бы интересно поставить по ней спектакль.

Гостей и участников клуба пригласили на чаепитие.

Ольга Селезнева.

Фото О. Ерохиной

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Продолжаем печатать воспоминания замечательного педагога Галины Васильевны Васиной. Начало читайте в «ВС» № 1 за 2014 г.

Редакция благодарит Т. А. Басилову за подготовку материала к публикации и подбор фотографий.

Обучение слепоглухого ребенка

в школе слепых

Сереза Сироткин был моим первым слепоглухим учеником. Я работала с ним с сентября 1957 по март 1963 г. Р. А. Мареева начала его обучение в детском саду, а я продолжила индивидуально учить

Серезу в московской школе слепых. Занимались мы с ним в отведенном нам уголке методического кабинета или в музыкальном

классе, пока там не было уроков. Все планы и методики обсуждались с И. А. Соколянским. Раиса Афанасьевна часто приезжала в школу и помогала мне в организации занятий по математике, предметным урокам, развитию речи. На переменах Сережа всегда старался быть среди других учеников. Он сам научил некоторых детей дактилологии и общался с ними с ее помощью.

Обучая Сережу, я училась сама. Он быстро схватывал учебный материал, очень хорошо вместе со мной «драматизировал» (т. е. изображал) содержание прочитанных рассказов. Прекрасно научился осматривать руками предметы и замечать самые незначительные их детали. В школе слепых в биологическом кабинете была богатейшая коллекция чучел разных зверей: тигр в натуральную величину, волк, лиса, медведь во весь рост на задних лапах с тарелкой в передних лапах. Были и чучела мелких животных: мышь, суслик, еж, белка. Потом на занятиях лепкой Сережа точно воспроизводил осмотренный предмет. Помню один пример. Мы читали с ним рассказ, где была фраза: «птичка сидит на ветке». Я попросила Сережу показать, как он понял эту фразу с помощью пластилина и палочки. Мальчик слепил птицу и посадил ее на пластилиновую ветку, свесив ей ножки вниз. Мне сразу вспомнилось указание Соколянского: «Нельзя надеяться, что ребенок сам понял прочитанное. Это вы думаете, что ребенок знает, а надо проверить в лепке или демонстрации, – тогда будете уверены в его знаниях».

Мы с Сережей очень часто бывали на экскурсиях (чаще всего вдвоем, но иногда и с каким-либо классом). Ходили в музеи и парки, ездили к Соколянскому в Институт дефектологии, домой к О. И. Скороходовой, в гости к моим знакомым и родственникам. Все наши экскурсии находили отражение в учебных текстах, которые мы писали, читали и «драматизировали». Обязательным условием в работе над учебными текстами было перепечатывание их на брайлевской машинке. Ученик должен был сначала прочитать составленный учителем текст, «драматизируя» каждое его предложение и показывая, как понял прочитанное, а затем сам перепечатывал. Сережа обладал очень хорошей памятью и иногда, прочитав весь текст из 5–6 предложений, печатал его по памяти сразу. По знакомым словам он слегка пробежал пальцами, но на новом слове задерживался, перечитывая его несколько раз, затем читал всю фразу и после этого печатал весь текст.

Один или два раза в неделю у Сережи был обязательный урок труда. Он работал в картонажной мастерской, сшивал на машинке коробки скрепками. Мальчик очень любил эту работу и делал ее с удовольствием. Первое время мы с моим учеником заранее вместе отбирали определенное количество заготовок, которые Сережа мог сшить за урок, удобно устанавливали большой ящик для коробок. Я включала и выключала машину для скрепления. Когда Сережа овладел всеми необходимыми операциями и стал делать всё аккуратно и без брака, он попросил оставлять его одного –

ему хотелось чувствовать себя самостоятельным. Я выполняла просьбу частично: отходила в сторону или выходила в коридор и наблюдала за ним через открытую дверь.

Иногда мы приходили в класс черчения, где со слепыми детьми работала Ольга Ивановна Егорова. Она учила Сережу делать и узнавать выпуклые изображения предметов на специальном приборе с мягким покрытием, похожим на пластилин. Однажды на уроке черчения он осматривал рельефное изображение кофейника удлиненной формы. Потом встал и изобразил его, согнув одну руку на бедре, а другую вытянув, как носик кофейника. Когда я спросила, что он показал и что рассмотрел на рисунке, Сережа, немного подумав, неуверенно сказал, что это был чайник. Потом добавил, что чайник большой и такого он никогда не видел, стал настаивать, чтобы ему показали именно такой настоящий. Ответ взрослых, что сейчас точно такого у них нет, его не удовлетворил. После этого урока в течение нескольких дней мой ученик не забывал напоминать мне про этот «чайник». Наконец удалось найти похожий и показать ему. Мальчик обязательно хотел сравнить его с «увиденным» на уроке рельефным изображением.

У Сережи, безусловно, имелся остаточный слух, но в то время в Институте дефектологии не было никакой аппаратуры, что-

бы измерить его; не было и слуховых аппаратов. Всё обучение Сережи тогда проводилось на дактильной основе, без использования остаточного слуха. Только мама Сережи пыталась с ним общаться на слух – говорила громко, простыми фразами и сопровождала свои слова жестами. Например, говорила голосом – «одевайся», «пойдем», «магазин» – и каждое слово сопровождала жестом.

Я продолжила занятия с Сережей по развитию устной речи, которые были начаты Р. А. Мареевой в детском саду. Было очень трудно ставить и автоматизировать звуки речи. Ему долго не давались звуки «г» и «х». Меня мой ученик называл «тетя Даля»; произносил «не шочу» вместо «не хочу». Устная речь у Сережи была очень быстрая и невнятная. Он стал активно ею пользоваться, когда у него появилась младшая сестренка Оля, с которой он стал ежедневно общаться голосом.

Мама сопровождала Сережу в школе после занятий, во вторую половину дня. Они вместе гуляли, ужинали, играли с детьми, а потом шли домой. Жили они недалеко от школы слепых. Безусловно, мама Сережи очень много ему дала в познании окружающего мира. Он ходил с ней в магазин, помогал по дому; она всегда брала его в гости к родственникам – одним словом, старалась показывать ему как можно больше, и это очень обогащало представления Сережи о жизни. Дома он всегда был чем-то занят. Его любимым делом было разбирать старые часы или другие никому не нужные механизмы. Однажды он побывал у меня дома и почувствовал холод в комнате, пока я не затопила печку; позже он подарил мне в школе самодельное устройство из жестяной баночки от леденцов. Открыв ее, я увидела припаянные к ее нижней части провода. Сережа объяснил мне, что провода можно включить в розетку, тогда банка нагреется, и я смогу согреть руки.

Были и трудности. Сережа занимался ежедневно только со мной. И я начала замечать, что он стал враждебно относиться к моим замечаниям: однажды, рассердившись, сказал, что папа наедет на меня на машине, и я умру. Я рассказала об этом Ивану Афанасьевичу, и мы, обсудив эту ситуацию на «понедельнике» вместе с Р. А. Мареевой и А. И. Мещеряковым, решили изменить тактику. Раньше я от своего имени делала Сереже замечания по поводу его поведения, узнав об этом от других воспитателей и учителей школы. Теперь же каждая жалоба на его поведение пе-

редавалась мною Сереже в присутствии этого взрослого, который стоял рядом и прикосновением к руке мальчика подтверждал сказанное мною. Всё это дало положительный результат. После таких «разборок» Сережа не пытался спорить. Он понял, что это не только мои требования, что и другие взрослые бывают им недовольны. Также я стала привлекать Сережу к разбору конфликтов с другими ребятами, переводила ему беседы учителей с детьми об их неправильном поведении. Сережа начал сопоставлять свои и чужие действия и стал спокойнее реагировать на замечания.

В школе слепых мой ученик освоил программу 4 классов. Как ни трудно было мне работать, постигая методику обучения, но наши индивидуальные занятия дали возможность успешно пройти материал по всем основным предметам (математике, чтению, предметному уроку) без отставания от других детей. И в загородном детском доме, куда Сережа поступил в 1963 г., он начал заниматься по программе 5-го класса.

(Продолжение следует)

ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ

Путешествие в Израиль

После получения приглашения из Израиля на 90-летний юбилей моей старинной подруги Т. П. Петровой мы стали собирать чемоданы и 21 февраля самолетом израильских авиалиний вылетели на Святую землю.

Мы – это я и моя дочь Людмила, которая сопровождала меня в этой поездке, т. к. я глухой и слабовидящий. Через 4 часа приземлились в аэропорту «Бен-Гурион» и попали в дружеские объятия супругов Кривулиных – Геннадия и Ольги. Погода была чудесная: +22 градуса, безветренно, всё в цвету.

На следующий день мы поехали полюбоваться Мертвым морем, которое расположено на 395 м ниже уровня моря. Его побережье – самое низкое место поверхности суши планеты, содержание соли в его воде – 30% (сравните с 4% в обычном море). В Мертвом море можно ходить, но невозможно плавать, поэтому было безумно смешно наблюдать с берега наши попытки проплыть хоть немного, т. к. вода выталкивала руки и ноги вверх.

Следующая поездка была к месту крещения Иисуса Христа на реке Иордан. Ранее оно находилось в Иордании, но 2 года на-